

Александр Блок. Трагический тенор эпохи, как назвала его Анна Ахматова. Советское литературоведение в творчестве поэта выделяет прежде всего революционно-патриотическую тему: «Двенадцать», «Скифы», «Соловьиный сад»... Да, действительно, Блок ощутил «подземный шорох истории» и «новый порыв мирового ветра».

Есть поэты, жизнь и творчество которых мало зависят от их личных увлечений, душевных переживаний. Блок не из их числа. Вне отношений с женщинами его невозможно представить. Женщины — это эликсир его жизни, кислород его творческого горения. Подумать только: он написал об одной лишь Прекрасной Даме, на одну только тему

687 стихов! 687 любовных гимнов — одной женщине!

«Стихи Блока о любви — это колдовство, — писал Константин Паустовский. — Как всякое колдовство, они необъяснимы и мучительны. О них почти невозможно говорить. Их нужно перечитывать, повторять, испытывая каждый раз сердцебиение, угадывая из томительных напевов и без конца удивляться тому, что они входят в память внезапно и навсегда...»

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

Попробуем войти в храм блоковской любви и посмотреть на его кумиров, обрамленных божественными рамами стихотворений.

НО СНАЧАЛА немного о нем, о его истоках. Звезды благоволили Блоку: золотое детство, дзоряное ба- ловство, няня, Пушкин, мно- гочисленные родственники, нежно следящие за каждым его шагом.

29 февраля 1896 года — в Касьянов день, раз в четы- ре года — сестры Бекетовы, те- ти Блока, которые вели за- писи о семейных событиях, за- писали о племяннике: «Увле- кается верховой ездой. Теат- ром. Возмужал, но женщина- ми не интересуется». А ров- но через год с небольшим на курорте в Бауд-Наугейме юный Блок, гимназист 7-го класса, встречает 38-летнюю Ксению Садовскую.

Зрелая женщина, мать се- мейства, не могла устоять перед пылкостью красивого юноши. Любовь перевернула душу Блока и родила в нем поэта... Курортный роман не закончился, и они встреча- лись и в Петербурге. Как пи- шет исследователь Блока Владимир Орлов, «уединен- ные прогулки, сырые сумер- ки, тихие воды и ажурные мостики Елагина острова, бы- лые и беглые свидания в ма- леньких гостиницах. Все бы- ло...».

Все было. Было и прошло. Блок вскоре сбросил с себя путы первой любви. Ну а Ксения Михайловна умерла в 1925 году в Одессе, пройдя через многие превратности жизни, болезни и нищету, со- хранив из прошлого лишь пачку писем от влюбленного в нее гимназиста и студента, перевязанную алой лентой.

А НА ГОРИЗОНТЕ Блока новая любовь — Люба Менделеева. Дочь известного ученого, соседка по поме- стью.

8 ноября 1902 года Блок получил записку от Любы: «Моя милый, дорогой, бес- ценный Сашуня, я люблю те- бя Твоя». Записке предше- ствовали длительные разгово- ры, споры и даже попытка самоубийства со стороны Блока.

17 августа 1903 года со- стоялось венчание в подмо- сковной Таракановской церк- ви. Блок был сосредоточен- ный, строгий, в студенческом сюртуке, при шпиге. По вы- ходе из церкви крестьяне, собравшиеся из ближних де- ревен, поднесли молодым хлеб-соль и белых гусей в розовых лентах. Свадебный кортеж двинулся в Боблово. При входе в дом старая няня осыпала молодых хлемом. В большой гостиной был на- крыт стол. Молодые не оста- лись до конца пир, они спе- шили к петербургскому поез- ду и укатили на тройке — ко- ни рослые, в одну масть, светло-серые в яблоках, ду- га в лентах, бубенцы малино- вые...

Казалось бы, все есть для нормального семейного сча- стья: молодость, здоровье, красота, достаток... Все да не все: семейная жизнь Бло- ков не заладилась. Сложные отношения с матерью Блока, которая ревновала сына, без- умная любовь Андрея Бело- го к жене Блока — все это мешало семейной жизни, но больше всего мешал сам Блок, который в основу бра- ка положил, как выражалась впоследствии Любовь Дми- триевна, «ложную основу». Любовь его была громадной, необъятной, она вся ушла в духовность, в утонченный спиритуализм. Он доказывал своей разумной и не иску- шенной в мистических тонко- стях, но доверчивой Любе, что чувственная любовь есть дьявольское извращение ис- тинной, духовной любви, способное лишь исказить и разрушить гармонию устано- вившихся «высших» отноше- ний.

Вот характерная запись из дневника Блока 7 ноября 1911 года: «...ночью получил первый том Толстого. Ма- ленькая Люба получила свое удовольствие...». Какое удо- воольствие? Надо заметить, что Люба не витала в отли- чие от Блока в высших сфе- рах духа, она была женщи- на земная, более того, чувстви- тельная, плотская.

Сложилась парадоксальная ситуация: любя друг друга — а они любили друг друга, особенно Блок, — они оба, и Блок, и Менделеева, искали утешения на стороне, оба го- нялись за синей птицей сча- стья. Здесь надо вспомнить и атмосферу предреволюци- онных лет, отравленную слад- кими ядами декадентской все- дозволенности: любовь-рок, любовь-страсть, любовь — доступная плясунья в балаге- не жизни. Вот как писал об этом сам Блок:

Вновь оснеженные
колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины
влюбленной.
И хруст песка и хрип коня.
Две тени, слитые
в поцелуй,
Летят у полости саней.

Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой —
с пленной — с ней.
Да, есть печальная улада
В том, что любовь
пройдет, как снег,
О разве, разве клаться
надо
В старинной верности
навеки?
Нет, я не первую ласкаю...

Женщины в жизни Александра Блока

По сути дела стихотворение «На островах» — это дека- дентская программа прожига- теля жизни, исповедующего гедонизм: лови момент, жизнь проходит!.. Блока постоянно тянет на острова, за Елагин мост. А жена? Прекрасная Дамы? На склоне лет она вспоминала: «Я стремилась устроить свою жизнь, как мне нужно, как удобней... Я дума- ла только о том, как бы изба- виться от этой уже не нуж- ной мне любви». Ненужная любовь. И кого? Александра Блока! А он без любви не мыслит себе и жизни.

В КОНЦЕ 1906 года новая любовь, как комета, вспыхнула на небе поэта. Это — Наталья Волохова, актриса. Ей шел 29-й год, Блоку — 27-й. Она была не столь хороша, сколь эффек- тна. Высокая, сухоощавая, очень стройная, черноволосая, смуглая и большезлая. Держалась ровно и строго, без тени кокетства. Одева- лась в наглухо закрытые чер- ные платья. Движения были ровные и замедленные. Глу- боким грудным голосом. Пре- красно читала стихи Блока.

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех
подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный
ей круг...

На Новый год она получи- ла коробку с великолепными красными розами и парадным почерком переписанное сти- хотворение. Оно задало тон всему обращенному к ней лирическому потоку 1907 го- да... После спектаклей они бродили по улицам или на «удалом лихаче» уносились далеко в пустынную снежную ночь. Блок знакомил ее со своим городом. Нежные сло- ва. Пламенные клятвы. Сти- хи. «Твое лицо мне так знако- мо, как будто ты жила со мной...». Их отношения, не- простые и нелегкие, длились без малого два года и соот- ставили целую полосу в творче- стве Блока, но в конечном счете доставили ему мало ра- дости и счастья. В стихах, обращенных к Волоховой, по- эт писал:

И я провал безумный год,
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза...

Да! с нами ночи!
И новой властью
Дневная ночь объемлет
нас,
Чтобы мучительною
страстью
День обессиленный погас...

Пришел срок — и «день погас». К сожалению, трудно восстановить детали этого любовного увлечения Блока. Свои письма к Волоховой Блок перед смертью уничто- жил. А дело заходило далеко: говорилось и о разводе, и о новом браке.

Блок не был бы Блоком, если бы не окружил свою но- вую любовь романтическим ореолом. Она и падающая звез- да, и комета, влащущая звезд- ный шлейф, она и «романти- ческая богородица с демониче- ским взором», она и ин- фернальная женщина, отрав- ленная красотой своей, срод- ни нервным, властным и за- гадочным женщинам Досто- евского, — прочтите циклы «Снежная маска» и «Фаина», чтобы представить, как вы- соко и недоступно мог поста- вить Блок на пьедестал воз- любленную им женщину. Од- нако поэзия не тождественна жизни. В действительности Волохова была не кометой, не расколнческой богороди- цей, а просто умной, тонкой, интеллигентной женщиной, актрисой среднего дарования, не причастной никаким ин- фернальным радениям...

Как странны были речи
маски!
Понятны ли тебе? —
Бог весть!
Ты твердо знаешь:
в книгах — сказки,
А в жизни — только
проза есть...

Кармен была первым и в сущности единственным ее успехом. Блок увидел в ней «зубов жемчужный ряд», «пе- вучий стан» и «хищную силу» прекрасных рук и... влюбился, как гимназист.

И кровь бросается
в ланиты,
И слезы счастья душат
грудь
Перед явлением
Карменситы.

«О, как блаженно и глупо — давно не было ничего по- добного. Ничего не пони- маю», — записывает Блок. 28 марта они встретились. Ее звонкий смех, открытые пле- чи, розы на груди, крепкие духи... Пустынные улицы, тем- ная Невы, роковой Петер- бург... В этот день были на- писаны «Ты как отзывай за- бытого гимна...» и «О да, лю- бовь вольна, как птица...» 29 марта записи в дневнике:

«Все поет.
Все — музыка и свет...»
Нам, живущим в суматош- ной и грязной Москве 1902 года, трудно представить, как развивался этот роман Блока 78 лет тому назад. Длинные прогулки — пешком, на ли- хачах, бесконечные разгово- ры. Летний сад, белые ночи

Любовь МЕНДЕЛЕЕВА.

Наталья ВОЛХОВА.

на Стрелке, театры, вокзал- ные буфеты (тогда они были изысканны. — Примечание Ю. Б.), ужины в ночных ре- сторанах, чуть ли не ежеднев- ные розы «от Эйлерса». Он от нее без ума: «Она вся бла- гоухает. Она нежна, страст- на, чиста. Ей имени нет. Ее плечи бессмертны...». Она звонит Блоку ночью: «Я вас никогда не забуду, вас нель- зя забыть. Поворот в моей жизни...».

И опять мечта так и оста- лась мечтой. Дельмас вспо- минала позднее: «Он говорил, что художник и не может быть счастливым... Я с этим ни- как не соглашалась, я люби- ла все солнечное, светлое». А Блок любил все тревожное, темное. Разность миров, вос- приятий, наконец, разный уровень чувств давали о себе знать — и чем дальше, тем больше. Как и семь лет на- зад, Блок разрывался перед тремя женщинами: «она», Лю- ба и мать. Дельмас пытается взять судьбу в свои руки, но Блок ускользает.

В 1917 году Блок разбира- ет ящик письменного стола. «Боже мой, какое безумие, что все проходит, ничто не вечно. Сколько было счастья с этой женщиной. Слов от нее почти не останется. Оста- нется эта груда лепестков, всяких сухих цветов, роз...».

Блок и Дельмас еще встре- чаются, но это уже не лю- бовь, это только одна

«плоть». Но и это скоро про- ходит.

Что ж, пора приниматься
за дело,
За старинное дело свое...
Неужели и жизнь
отшумела,
Отшумела, как платье
твое?

Блок умирает в 1921 году, а Дельмас предстоит еще долгая жизнь. С 1938 года она — доцент в Ленинград- ской консерватории...

НО ВЕРНЕМСЯ в 1908 год, к молодому и неотрази- мому Блоку. 21 апреля Вален- тина Щеголева, актриса, же- на пушкиниста Щеголева, за- писывает в дневнике: «Слу- чайно совершенно попала с Блоком на острова... Ослепи- тельное утро, Летний сад, весь одетый желто-зеленым пухом, черные упругие ство- лы деревьев. Этот человек так жадно и глубоко впиты- вает жизнь... С ним страшно,

он слишком притягивает к се- бе. И жизнь его такая стран- ная. Прелестная жена — и вдруг Волохова... А Любовь Дмитриевна и ее роман с Чулковым... И мои все дела тоже пронизаны такой бо- лью. Эта поездка на острова и потом в Ботанический сад — поведение Блока. Зачем я ему? Он так жадно и страст- но меня целовал, точно го- лодный... Я боролась, я сер- дилась, возмущалась и смея- лась в конце концов. Что спросить с этого умного оча- ровательного человека. Толь- ко бы мне не влюбиться в не- го, вот была бы штука. Нет, этого не будет. Я слишком самолюбива для легкой заба- вы, слишком требовательна. Но все-таки это утро на взморье, голубой шелк моря, лодка и мягкая рука на вес- ле. И ему и мне было очень весело. Весна-волшебница».

Весна продолжает свои проказы, и вот 24 мая 1908 года Щеголева пишет в пись- ме к Блоку: «Моя любовь сильна и прекрасна, моя лю- бовь не требует жертв. Она сама вся жертва, вся восторг, вся приношение. Но именно поэтому-то я и не отдаю те- бе мое тело, мое земное пре- красное тело, что люблю те- бя высшей, не знающей до конца, не видящей начала вечной любовью. Смотришь на тебя, знаешь, что ты чув- ствуешь, видеть тебя... умереть за тебя... И вечно гореть ду- мой о тебе...».

3 января 1909 года Блок и Щеголева встретились на ко- стюмированном бале у Федо- ра Сологуба. В кабинете хо- зяина, как вспоминает Щего- лева, «моим губам прильну- ли горячие сумасшедшие гу- бы. В дверях, как статуя ко- мандора, стоял Чулков. «Александр Александрович, Валентина Андреевна», — на- стойчиво повторял он. Это бы- ло ужасно».

Затем Блок предложил про-

Любовь ДЕЛЬМАС.

водить Щеголеву. Сологуб метался, он очень не хотел, чтобы они ехали вместе, и вы- ставил самый страшный аргу- мент: «Александр Александрович, подумайте о Любви Дмитриевне, она беременна, Валентина Андреевна, подумайте о Павле Евсеевиче (в это время Щеголев сидел в тюрьме.—Примечание Ю. Б.)... «Когда я села на извозчика, — вспоминает Щеголева, — ко мне протянулись нити разума, реальности и слова Сологуба, точно удар кнута по совести, сорвали прекрасную радугу... И я решила. Больше я не уви- жу этого человека».

Щеголева решила порвать все связи с Блоком, однако 20 января 1915 года, спустя 6 лет, она пишет: «Как муча- ет меня этот великий человек, сам не знаю того...». Увы, Блок не приносил женщинам счастья: он был слишком грандиозен для маленького женского сердца. Такова судьба и Владимира Маяков- ского, но об этом специаль- ный рассказ.

ВЕРНЕМСЯ к Блоку. Мы коснулись его взаимоотно- шений с Садовской, Мен- делеевой, Волоховой, Дель- мас, Щеголевой... А не стоит ли в этом ряду молодая тогда Анна Ахматова? И что она ду- мала о многочисленных увле- чениях Блока? Вот подлинные слова Анны Андреевны: «Я полагаю, Блок вообще дурно, неуважительно относился к женщинам. У меня никогда не

было ни тени романа с Бло- ком... Мне рассказывали две женщины, обе молодые и кра- сивые. Одна была у него в го- стях поздно, в пустой кварти- ре... другая в «Бродячей со- баке»... обе из породы жен- щин-соблазнительниц... А он в последнюю минуту оттолк- нул их: «Боже... уже рассвет... прощайте... прощайте...».

Вот так. И никакой «оча- рованной дали».

По воспоминаниям совре- менников Блок часто навещал проституток. Бывало, что он

просто смотрел на женщину, платил и уходил, одинокий и гордый.

В книгах советского пери- ода никогда не затрагивал- ся вопрос о физиологии че- ловека. Его классовые корни, его революционные взгляды, его отношение к труду и ро- дине — это обязательно. Но о физиологии, темпераменте и, не дай Бог, о сексуаль- ности — ни-ни! Строгий запрет. Табу. В этом смысле жизнь Александра Блока требует своего дотошного исследова- теля. Даже по приведенным отрывкам об отношениях по- эта к разным женщинам лег- ко сделать вывод, что Блок в сексуальном плане был чело- веком далеко не ординарным. Но каким именно?..

Откроем эротический горос- коп. По рождению Блок — Стрелец. Вот каков мужчина-Стрелец: «Более всего он лю- бит женщин. Он может быть превосходным любовником и наихудшим вариантом мужа. В контактах с женщинами их молодость, красота и преле- сти полностью захватывают его. В этот момент для него не существует ничего друго- го. Он абсолютно лишен ощу- щения времени и постоян- ства чувств. Ничего удивитель-

Валентина ЩЕГОЛЕВА.

Анна АХМАТОВА.

ного, что он может встречать- ся с несколькими женщинами. Для постоянного партнера, а тем более мужа, он абсолют- но не подходит...» ну и т. д.

Судите сами: совпадает это с личной жизни Блока или нет?..

Несколько слов о заверше- нии жизненного пути поэта.

Двадцатый век еще
бездомной,
Еще страшнее жизни мглы.
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла)...

Люциферова крыло — это революция. Блок боготворил революцию как очиститель- ную грозу, но она пришла как мстительное разрушение. Эс- тет и аристократ, Блок не принял разрушительного за- ла. «...я не принадлежу себе, я разучился писать стихи... устаю почти до сумасше- ствия...». В этих словах поэт заключена горькая истина его послереволюционного житья- бытия. Его здоровье было по- дорвано — как физическое, так и духовное. Ему не по- зволили уехать за границу на лечение. Умирал он тяжело. Перед смертью сжег некото- рые дневники и письма жен- щин. У постели умирающего стояла все та же верная и не- верная Люба.

Блок умер, завещав нам высшую ценность на этой Земле — Любовь.

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.